

Юрий Аракчеев

В ПОИСКАХ АПОЛЛОНА

0+

Юрий Сергеевич Аракчеев

В поисках Аполлона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36976278

SelfPub; 2018

Аннотация

Вместе с автором читатель побывает в средней полосе России, на Кавказе, Тянь-Шане, Памиро-Алае, в Алтайских горах и на Дальнем Востоке. Убедительно, на живых примерах писатель показывает красоту нашей природы и необходимость создания микрозаповедников, и привлечения к этому как можно более широкого круга людей. Путешествуя в поисках редкой бабочки Аполлон, в поисках прекрасного, автор приглашает и читателя открыть для себя этот удивительный мир, окружающий нас. Книга была издана в 1985 году в издательстве "Мысль". Книга оформлена фотографиями автора.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Мечта	8
1	8
2	12
3	28
4	36
5	46
Глава вторая. Страна Белых Бабочек	50
1	50
2	53
3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пролог

В детстве, в юности, да и потом кто не читал о путешественниках и открывателях новых земель? Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский, Арсеньев, Грум-Гржимайло, Миклухо-Маклай... Я уже не говорю об Амундсене, Нансене, капитане Куке, Колумбе, Магеллане... Все они как бы сияют для нас в ореоле романтики.

Однако, увы, почти все открыто на нашей круглой Земле (никто даже и не сомневается в том, что она круглая!). Открытий, подобных открытиям Колумба или Магеллана, теперь и представить себе нельзя. Жизнь Миклухо-Маклая среди папуасов – именно такая, какой она была, – тоже, пожалуй, немыслима. Недавно на Берегу Маклая, например, в деревне Бонгу, побывали участники экспедиции на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев» (об этом есть книга М. Плаховой и Б. Алексеева), и современные папуасы запросто встретили этнографов, художников и спокойно позировали им. Разве мыслимо теперь вот такое – помните: «Маклай, можешь ты умереть?» – на что Маклай протянул одному из воинов копье, чтобы тот попробовал убить его... Папуасы сегодня пользуются транзисторными приемниками и выбирают своих представителей в парламент Папуа-Новая Гвинея. Многие из них сами побывали в цивили-

лизованных странах, даже закончили колледжи и университеты.

В районе Северного полюса постоянно дрейфуют на льдинах наши станции «СП» под разными порядковыми номерами, а на самом полюсе уже не только упряжки, вездеходы и самолеты побывали, но даже экспедиция «Комсомольской правды» – на лыжах...

Итак, что же делать теперь тому, кто родился с Мечтой о путешествиях, таких, которые сравнимы со странствиями Арсеньева, например, или Грум-Гржимайло? Кстати, последнему принадлежит фраза: «Наконец-то моя мечта осуществилась: я стою на берегу Иртыша!» Теперь на берег Иртыша можно попасть за несколько часов полета прямо из московского аэропорта «Домодедово» – для этого нужно только купить билет в кассе Аэрофлота...

Но оказывается, путешествовать и открывать новое можно и в наше время. Ведь в путешествиях и экспедициях прошлого дело было, конечно, не только в том, что люди искали новые земли. А просто каждым из них двигала Мечта...

Мечта двигала и мной в моих путешествиях.

О них я и хочу рассказать.

Аполлон – Parnassius Apollo L.
Занесен в Красную книгу СССР

Аполлон – бог искусства, а также бог света, покровитель искусств в древнегреческой мифологии.

А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции

Аполлон – Parnassius Apollo L. Размах крыльев 70 – 90 см. Летает в июне – августе; гусеницы обитают на очитке. Распространен – Евр. Часть, Кавказ, Южн. Сибирь, Д. Восток, но встречается локально и в небольшом количестве.

Г. Н. Горностаев. Насекомые СССР. 1970

Глава первая. Мечта

1

Много лет я искал Аполлона. Поблизости искать его не было смысла, хотя когда-то он летал совсем рядом – и в том районе, где я сейчас живу и где выросли многоэтажные здания, говорят, можно было запросто его встретить. Но теперь нет. Теперь его нельзя встретить не только рядом, но и в близких окрестностях, ехать нужно далеко, забираться в горы, а там тоже искать и искать, потому что, согласно справочнику Горностаева, «встречается он локально и в небольшом количестве».

Но с тем большим пылом я искал его, надеялся обязательно встретить. Да, мне всегда верилось, что я непременно встречу его, потому что он жив, он остался, он не мог не остаться.

В самом раннем детстве своем я, кажется, верил уже, что найду нечто такое, хотя, конечно, не представлял себе тогда, как оно выглядит, даже не думал, что это именно бабочка – большая, красивая, полупрозрачная, которая «летает только в солнечную погоду». Определенно в детских моих мечтах его место занимало всегда что-нибудь другое: то красивая и загадочная игрушка, то новогодняя елка, нарядная и свер-

кающая разноцветными лампочками, а еще лучше мерцающая в неверном свете от тоненьких, огненных живых язычков маленьких свечек, то сказка бабушки, то колыбельная песня мамы. Да и потом, в том периоде жизни, который назывался когда-то отрочеством, я тоже не понимал еще, что это именно бабочка и именно с таким названием, которое совпадает с именем бога искусства и света в древнегреческой мифологии. Хотя бабочек я, конечно, уже тогда замечал.

Да только ли бабочек! Гостеприимный мир, казалось, широко распахнул передо мной солнечные свои просторы, и хотя детство, отрочество и юность были у меня отнюдь не безоблачными, как, впрочем, наверное, и у большинства людей моего поколения, однако я упорно верил, что все это только личные мои несчастья и беды; так же как и горести близких, знакомых и даже соотечественников моих есть лишь временные и случайные неудачи, стечения обстоятельств. А мир, сверкающий разноцветными красками, солнечный мир пребудет вовеки, он есть, он жив, он всегда рядом, и нам бы только подобрать к нему ключ. Я и сейчас верю. Вот только ключик...

В детстве и юности увлечении у меня было много. Ну например, микроскоп. Он меня смущал чрезвычайно. Ведь через него можно увидеть то, чего так просто никогда не увидишь! Случайно обнаружилось, что этот прибор есть у моей бабушки, хотя она всегда запирала его в шкаф. Он был сделан из желтого полированного металла – блестящий, свер-

кающий, золотой, с подвижным круглым зеркальцем внизу, под предметным столиком... Оказалось, правда, что это не микроскоп, а «тряхиноскоп». Почему он так назывался, я и сейчас не понимаю, мне было известно только, что увеличение у него не очень большое, однако же достаточное для того, чтобы рассматривать, например, инфузорий. Даже те скудные сведения, что мы получали о мире одноклеточных в школе, почему-то очень волновали меня. Крошечные, не видимые простым глазом, но сложные, подвижные, с удивительным строением, разные! И размножаются почему-то делением... В книжке Н.Ф.Золотницкого «Природа в школе» я прочитал, что можно сделать нечто похожее на «волшебный фонарь» с большой колбой, наполненной дистиллированной водой, которая представляла бы собой увеличительное стекло и конденсор одновременно, – и тогда можно рассматривать живых инфузорий на экране!

Так и не удалось мне соорудить «волшебный фонарь», даже колбу трудно было в те времена достать, но вот появилось нечто реальное – золотой микроскоп, называемый «тряхиноскопом»! Разумеется, его прятали от меня, но однажды бабушка все-таки подарила его мне. Как прерывалось дыхание, когда я устанавливал его на столе рядом с лампой, регулировал зеркальце, чтобы отраженный от него свет попал снизу в дырку предметного столика, на котором лежало стеклышко с рассматриваемым препаратом! Мгновенно были тщательным образом рассмотрены волосы, бумага, пыль,

лист комнатного растения... Потом я вспомнил, что где-то на улице, в нескольких трамвайных остановках от моего дома, видел кучу песка, которая желтела на снегу – ведь была зима! – и мне страшно захотелось рассмотреть этот песок, я помчался за ним, хотя был уже первый час ночи...

Но многие-многие увлечения детства и юности были, оказывается, лишь подступами. К чему? Тогда этого я еще не мог понять.

Интерес к фотографии перешел ко мне от отца, пожалуй, хотя он не успел ни обучить меня фотографированию, ни даже рассказать что-то об этом – он погиб, когда мне не исполнилось и двенадцати лет. Но он был фотолюбитель – именно *любитель*, – и в наследство от него остались два любовно сделанных фотоальбома и два допотопных пластиночных фотоаппарата – «Фотокор» и «Турист». Я почти и не фотографировал ими, если не считать робких снимков пейзажей и шестнадцатилетней очаровательной девочки – своей школьной любви. И в этом, пожалуй, был символ: я фотографировал именно то, что больше всего любил.

Первые фотоаппараты потом затерялись, как затерялся и купленный мной самостоятельно в комиссионном магазине старенький «ФЭД». Однако зерно уже было посеяно, потихоньку и незаметно оно проросло, вновь и вновь я возвращался к занятиям фотографией и не понимал еще, что она то и станет для меня одним из тех самых ключиков...

Детство ушло, пролетело отрочество, минула и юность. Но к счастью, осталась молодость. Осталась свежесть ощущений и вера – главное, вера! Тут-то и ждало меня вознаграждение. В «исторический» день 26 мая 1969 года я впервые вышел во двор старого дома почти в центре Москвы, и мой новенький «Зенит-Е» был заряжен цветной обрати-

мой пленкой, а между корпусом и объективом были навинчены «волшебные» переходные кольца, которые позволяли снимать с близкого расстояния, крупным планом.

Маленький дворик с чахлым газончиком, на котором в самом начале лета весело и простодушно светились одуванчики, зеленело несколько кустиков и деревьев, случайно уцелевших среди асфальта и камня, – этот отзвук, отблеск, этот крошечный лоскуток живой природы оказался полноценным и достойным ее представителем.

Жизнь кипела в травяных «джунглях», вездесущая, неуничтожимая, первозданно прекрасная, она пробивалась и здесь, в окружении домов, несмотря на гарь от множества автомобилей, проносящихся рядом. Она торжествовала несмотря ни на что! Она вершилась по своим таинственным и прекрасным законам – тем самым, по которым созданы и мы с вами.

В книге «Джунгли во дворе» я уже описывал и медвежонка-шмеля, и жука, похожего на рыцаря в медных доспехах, и балерину-златоглазку, и обыкновенную муху, напоминавшую реактивный лайнер. Они были первыми, кого я увидел, заглянув через видоискатель фотоаппарата в «дворовые джунгли». И еще одуванчик, конечно же одуванчик! Солнечный цветок, цветок-символ, удивительный не только многосторонним совершенством своим (одно семечко-парашютик чего стоит!), но и многочисленностью, неприхотливостью; не только красотой, но и полезными для человека свойствами листьев, цветков, корня – пример щедрости, терпимости и бескорыстия матери нашей природы!

Я думал тогда, что вернулось детство, «счастливая, невозвратимая пора», но нет — сама жизнь вернулась ко мне в своем многоцветии и многозвучии, словно спала завеса и время замедлило свой неостановимый бег. Что мы видим обычно, когда становимся взрослыми? Привычную свою квартиру, привычный дом, привычный двор, улицу, место работы, примелькавшихся, встречаемых изо дня в день людей. Если удастся выбраться в лес, то там радуемся, конечно, как старым знакомым, тенистым деревьям, траве, на которой так хорошо полежать, особенно если светит солнышко и не слишком пристают мухи, слепни, комары. Ну может, заметим, как иногда бабочка пролетит. Муравей проползет, пощекочет. Грибов насобираем на жарено, ягод — просто так съесть или на варенье. Цветов любим нарвать, чтобы в воду поставить дома (иногда по дороге домой их и бросим)...

А тут я вдруг понял, как важно уметь смотреть и важно уметь *увидеть*. То, что примелькалось, приелось и кажется несущественным, неважным, неинтересным, на самом деле не понято нами. Ведь так часто видим мы не то, что есть на самом деле, а лишь то, что в состоянии и что хотим увидеть! Глубина и красота окружающего мира зависят, оказывается, от нас самих. И только примитивная самонадеянность, убогое мировосприятие делают подчас мир бесцветным и плоским. Дорого тогда приходится платить человеку за свою самонадеянность!

И вот я открыл для себя, что не только каждый человек, но и каждая самая маленькая букашка неисчерпаемы, сотканы из чудес и тайн. Да что там букашка – растение, его цветок, семечко, лист, даже одна живая клетка – непостижимое, великое, благое чудо, перед которым нельзя не остановиться в почтении и восхищении! Да, конечно, можно и нужно его изучать, но не испытывать почтения, не восхищаться, не уважать нельзя. И получается фантастический, с трудом осмыс-

ливаемый парадокс: мы сами состоим из живых клеток, наше тело и мозг – многомиллионные, миллиардные скопления их, и мы же их изучаем! Раскрываем потихоньку тайны...

А я все искал Аполлона. Хотя сначала не осознавал, что ищу именно его. Меня занимали то пауки, восхищавшие своим ткацким мастерством, упорством, индивидуальностью и «сообразительностью», то гусеницы, принимавшие пластические позы, то бабочки: адмирал, огненница, репейница, махаон, подалирий, солнечная гипермнестра...

И каждый раз я пытался найти самого оригинального паука, самую мастерски сплетенную паутину, самую пластичную и яркую или самую мохнатую гусеницу. И самую-самую красивую бабочку. Хотя понятие красоты, как я стал понимать, весьма относительно – каждое живое существо красиво по-своему. Разве не прекрасны, например, утонченные, изящные тела стрекоз, их сухие, блестящие, прозрачные, иссеченные многочисленными жилками, отливающие на солнце красным, зеленым, оранжевым крылья? А жуки в обтекаемых панцирях разных расцветок, словно легендарные пришельцы с других планет? Или улитки в «керамических», спиралевидных, лаконичных в своем совершенстве домиках? А мастера-ткачи пауки – эти восьминогие чудовища с восемью глазами и затейливым узором на спинке? И могут ли оставить равнодушным внимательного наблюдателя кружева паучьей паутины, радужно сияющие, если рассмат-

ривать их против солнца? Всегда привлекали меня и гусеницы бабочек – то блестящие, туго обтянутые тонкой кожей, то бархатные, то мохнатые, покрытые нежнейшим мехом, то, наоборот, колючие, да еще с какими-то выростами, шипами, шлейфами, перьями... Или возьмите ос-наездников с тончайшей талией и длинной пикой на конце брюшка. Это же прямо какие-то мушкетеры! Нельзя не восхищаться и выпуклыми, фасеточными глазами слепней или стрекоз, пестрыми, ритуально раскрашенными спинками некоторых клопов, удивленными физиономиями кузнечиков и кобылок... И конечно же крыльями бабочек.

Ну о цветках и говорить нечего. Большие, средние, маленькие, они поражают своим совершенством формы и разнообразием красок. Цветок издавна стал для нас символом красоты природы.

Чуть позже ошеломили меня морозные узоры на стеклах окон, когда я принялся фотографировать их крупным планом. Так можно было совершать захватывающие «путешествия», уже не выходя из стен квартиры. Удивительная форма этих мелких кристаллов воды, их оттенок, зависящий и от положения солнца, и от рефлексов, идущих от стен домов, и от голубизны неба, навевали сказочные ассоциации. Ошеломляли не только гармония и красота узоров, но и то, что кристаллики, группируясь, составляли нечто похожее на травинки, листья, даже на тропические дремучие заросли. «Джунгли» на стекле! Только необитаемые... У меня возникла фантазия, объясняющая форму этих узоров: зимой

вода как бы «вспоминает» о лете — о том, что она входила в состав листьев деревьев и трав...

Они так хорошо всем известны и так обычны, что на них почти не обращают внимания и, хотя часто они красивы, даже принимают меры, чтобы эти узоры не появлялись на окнах... Но, как в капле воды отражается солнце, так некоторый намек на высшую красоту мы можем постичь, внимательно рассматривая такое скромное явление природы, как ледяные узоры на стеклах.

А. Любищев, известный советский биолог

И все-таки я не успокаивался. Постоянно что-то искал.

Однажды обратил особенное внимание на изображение бабочки Аполлона в книге-определителе «Насекомые СССР». Задумался над ее названием. Прочитал, что она «встречается локально и в небольших количествах» и «летает только в солнечную погоду». И хотя почти все бабочки – я имею в виду дневных – летают именно в солнечную погоду, но написанное здесь привлекло мое особенное внимание. Многие бабочки уже были сняты на слайды, а этой не было. Да ведь и название какое – Аполлон! Бог искусства и света у одного из просвещеннейших народов древности. Бабочка, бесспорно, красива: полупрозрачная, почти белая, с яркими черными и красными пятнами. Но дело не только в красоте. Ведь за ней нужно ехать, искать... Поиск! Пылкий, отважный и, наверное, трудный поиск – вот что привлекало больше всего.

Становишься взрослым – и как же начинает бежать время! То, что было как будто вчера, на самом деле случилось недолго, а то и месяц назад... Не успеешь оглянуться – год пролетел. А мы и не заметили.

Сколько замыслов вянет, так и не воплотившись! И чем дальше, тем легче смиряешься с этим. Привыкаешь.

И образ огромного, сверкающего праздничными огнями корабля, проплывающего мимо, все реже и реже посещает нас. Может быть, корабля-то и не было?..

А может быть, мы сами позволили ему проплыть мимо? Не взобрались вовремя по скользким крутым ступеням, не преодолели мощного встречного течения, относящего нас от бортов его. Прощали себе эту свою слабость. Утешались тем, что ведь многие не доплыли. А потом и вовсе посчитали, что это был не корабль, а призрак. И нам, мол, всю жизнь суждено барахтаться в мелкой зыби...

Да нет же! Ведь возможностей у взрослых больше, чем у детей, гораздо больше! И спектр радостей, значит, может быть большим. А те долги и заботы, в которых мы путаемся всю жизнь, – всегда ли оправданны, всегда ли необходимы?

Да, я понял, что можно, можно не упустить свой корабль. Главное – свежесть ощущений, свежесть чувств, способность видеть, слышать, воспринимать непредвзято, смело и чест-

но, без уныния от прошлых своих неудач, без страха перед возможным будущим. Ведь у каждого из нас есть с чем сверить свои чувствами мысли, осталась – должна остаться! – заветная точка отсчета. Вспомним, вспомним же «счастливую, невозвратимую пору» – у каждого там было свое...

Известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков написал свой очерк «Собирание бабочек» меньше, чем за год до смерти. Это, если не считать еще одного, совсем коротенького очерка, последняя его работа. И очевидно, важная для него. Уходя из жизни, покидая яркий и пестрый мир, полный не только радости, но горечи и забот, пожилой человек не случайно, наверное, вспомнил счастливые юношеские годы, а из них именно вот это:

«Собирание бабочек было одним из тех увлечений моей ранней молодости, которое хотя не долго, но зато со всей силою страсти владело мною и оставило в моей памяти глубокое, свежее до сих пор впечатление».

Так начинается его «рассказ из студенческой жизни». Но сколько же в этом просто написанном и незатейливо названном очерке истинной поэзии!

«Я любил натуральную историю с детских лет; книжка на русском языке (которой названия не помню), с лубочными изображениями зверей, птиц, рыб, попавшая мне в руки еще в гимназии, с благоговением, от доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидев, что в книжке нет того, что при первом взгляде было замечаяемо моим детским пытли-

вым вниманием, я сам пробовал описывать зверьков, птичек и рыбок, с которыми мне привелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое приобретенное им самим знание казалось новостью, никому неизвестною, драгоценным и важным открытием, которое надобно записать и сообщить другим. С умилением смотрю я теперь на эти две тетрадки в четверку, из толстой синей бумаги, какой в настоящее время и отыскать нельзя. На страничках этих тетрадок детским почерком и слогом написаны: зайчик, белка, болотный кулик; куличек-зук, **неизвестный** куличек, плотичка, пескарь и лошок; очевидно, что мальчик-наблюдатель познакомился с ними первыми. Вскоре я развлекся множеством других, новых и еще более важных интересов, которыми так богата молодая жизнь; развлекся и перестал описывать своих зверьков, птичек и рыбок. Но горячая любовь к природе и живым творениям, населяющим Божий мир, не остывала в душе моей, и через пятьдесят лет, обогащенный опытами охотничьей жизни страстного стрелка и рыбака, я оглянулся с любовью на свое детство – и попытки мальчика осуществил шестидесятилетний старик: вышли в свет «Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»».

С. Т. Аксаков вошел в историю русской литературы как автор воспоминаний и «хроник» собственной жизни, но в первую очередь дороги нам все же, по-моему, именно эти самые его «охотничьи» книги. И вот теперь, можно добавить, в

последний год своей жизни, шестидесятисемилетний писатель вспоминает о чем же? Не о «взрослой» ружейной охоте... Он вспоминает о юношеской ловле бабочек. И как!

«Да и в самом деле, из всех насекомых, населяющих Божий мир, из всех мелких тварей, ползающих, прыгающих и летающих – бабочка лучше, изящнее всех. Это, поистине, «порхающий цветок», или расписанный чудными яркими красками, блестящий золотом, серебром и перламутром, или испещренный неопределенными цветами и узорами, не ме-

нее прекрасными и привлекательными; это милое, чистое создание, никому не делающее вреда, питающееся соком цветов, который сосет оно своим хоботком, у иных коротеньким и толстым, а у иных длинным и тоненьким, как волос, свивающимся в несколько колечек, когда нет надобности в его употреблении. Как радостно первое появление бабочек весной!»

И далее писатель описывает лекции профессора натуральной истории Карла Федоровича Фукса, обладателя большого собрания насекомых, в том числе бабочек. И вот, наконец, загорелось в нем, студенте Казанского университета, «сильное желание самому собирать бабочек», желание, которое поделил с ним сокурсник по университету и друг Панаев.

«Наконец, в один воскресный или праздничный день, рано поутру, для чего Панаев ночевал у меня, потому что я жил гораздо ближе к Арскому полю, вышли мы на свою охоту, каждый с двумя рампетками (*сачками*. – Ю. А.): одна крепко вставленная в деревянную палочку, была у каждого в руках, а другая, запасная, без ручки, висела на шнурке через плечо. У каждого также висел картонный ящик, в который можно было класть пойманных бабочек. Едва ли когда-нибудь, сделавшись уже страстным ружейным охотником, после продолжительного ненастья, продержавшего меня несколько дней дома, выходил я в таком упоительном восторге, с ружьем и легавой собакой, в изобильное первоклассную дичью болото!.. Да и какой весенний день сиял над на-

шими молодыми головами! Солнце из-за рощи выходило к нам навстречу и потоками пылающего света обливало всю окрестность. Как будто земля горела под нашими ногами, так быстро пробежали мы Новую Горшечную улицу и Арское поле... И вот наконец перед нами старый, заглохший сад, с темными, вековыми аллеями, с своими ветхими заборами, своими цветистыми полями, сад, называвшийся тогда Болховским. Хор птичьих голосов, заглушаемый соловьиными песнями, поразил сначала мой слух, но я скоро забыл о нем...»

И вот первые трофеи, первые пойманные красавицы, которых «дрожющими от волнения руками» достают они из своих «рампеток», любуясь и восхищаясь...

Очерк «Собирание бабочек» я прочитал еще в ранней юности в книге издания 1909 года – толстый аксаковский том был одним из немногих уцелевших в обширной когда-то бабушкиной библиотеке, сожженной во время войны в железной временке (не было дров, и книгами нагревали чайник зимой). И именно из-за этого очерка я настолько дорожил большим тяжелым томом в полторы тысячи страниц, что даже попросил принести его в больницу, когда попал туда с очередным каким-то заболеванием. Много раз с замиранием сердца перечитывал я строчки, напечатанные старинным шрифтом с «ятями», твердыми знаками в конце слов и аккуратно расставленными точками над «и». Вместе с писателем путешествовал по саду, охотясь за бабочками...

Сколько же людей, очевидно так же как и меня, пленил рассказ человека, вспоминающего в конце своей жизни именно те счастливые дни ранней молодости!

«Быстро, но горячо прошла по душе моей страсть – иначе я не могу назвать ее – ловить и собирать бабочек. Она доходила до излишеств, до смешного; может быть на несколько месяцев она помешала мне внимательно слушать лекции... но нужды нет! Я не жалею об этом. Всякое бескорыстное стремление, напряжение сил душевных, нравственно полезно человеку. На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминание этого времени, многих счастливых, блаженных часов. Ловля бабочек происходила под открытым небом, она была обставлена разнообразными явлениями, красотами, чудесами природы. Горы, леса и луга, по которым бродил я с рампеткою; вечера, когда я подкарауливал сумеречных бабочек, и ночи, когда на огонь приманивал я бабочек ночных, как будто не замечались мною; все внимание, казалось, было устремлено на драгоценную добычу; но природа, незаметно для меня самого, отражалась на душе моей вечными красотами своими, а такие впечатления, ярко и стройно возникающие впоследствии, – благодатны, и воспоминание о них вызывает отрадное чувство из глубины души человеческой».

Так кончается этот очерк, эта маленькая исповедь в конце жизни.

Да только ли Аксаков!.. А Фабр? Жан-Анри Фабр, великий естествоиспытатель, который был сначала только сель-

ским учителем, но вот увлекся наблюдениями за крошечными шестиногими жителями пустыря под названием Гармас (теперь это знаменитый на весь мир микрорезерват!), проявив к ним воистину детский, в лучшем смысле этого слова, интерес! И что же? Теперь, в представлении всего человечества, Фабр – «отец энтомологии», автор десяти томов «Энтомологических воспоминаний», счастливец, проживший интереснейшую, насыщенную событиями и открытиями жизнь...

Так может быть, здесь и кроется, вернее, открывается нам разгадка? В детстве, в юности нашей. Не случайно же в зрелом, в преклонном возрасте мы так часто возвращаемся своими воспоминаниями именно к тем периодам своей жизни, когда жили мы, отдаваясь своей увлеченности без остатка и бескорыстно.

Увлеченность! Вот она, разгадка, вот один из тех ключиков. Он есть у людей, сохранивших верность своим детским и юношеским мечтам, у тех, кто не отгородился от живой, разноцветной действительности и во взрослой жизни своей так и не расстался с ощущениями той давней поры, когда живет человек в ожидании постоянных открытий.

Конечно, для меня дело было не только в бабочке. Аполлон незаметно и постепенно стал символом красоты, символом прекрасного вообще, хотя я и не понял этого сразу. И еще я знал, что бабочка Аполлон охраняется почти во всем мире, а в Европе, например, близка к исчезновению.

Правда, в самом начале своего увлечения я не думал о том, сколь серьезна проблема, нависшая над человечеством. Какая там гибель природы, если даже в маленьком городском дворе – целые «джунгли»! А уж за городом на какой-нибудь лесной полянке жизнь и вовсе кипит! Жуки, бабочки, пауки, муравьи, стрекозы, комары, мухи, тли, клопы... Да мало ли! А цветов и трав сколько? Растений на Земле сейчас около полумиллиона видов, пауков – тридцать тысяч, а насекомых больше, чем всех животных и растений, вместе взятых, – от полутора до нескольких миллионов видов!

Но так оптимистически я был настроен лишь в самом начале. Увы, на моих глазах в короткое время свершались заметные изменения. Наш двор был заасфальтирован почти весь, застраивались домами сказочные полянки в пригородном лесу, все меньше бабочек встречалось в моих путешествиях, меньше пауков, жуков. Что ж говорить об Аполлоне – я и махаона-то под Москвой не встречал ни разу, хотя когда-то рисунок этой бабочки украшал собой обложку книги, посвященной борьбе с насекомыми, вредителями сельского хозяйства... Да что там махаон! Траурницу, такую распро-

страненную когда-то траурницу, я встречал все реже и реже. И жук-олень, рогатый сказочный жук, которого мы ловили, помнится, в ближайших окрестностях пионерского лагеря, вообще исчез из лесов средней полосы России почти повсеместно...

В 1976 году в Ереване состоялся конгресс, посвященный охране насекомых. Подумать только – охране! А ведь еще недавно мы только и слышали: насекомые – наши враги! В новом издании Красной книги СССР более 200 видов беспозвоночных, главным образом насекомых, одних только бабочек – 104 вида! «Две трети бабочек Европы близки к исчезновению, – говорил в своем выступлении профессор, доктор наук А. В. Яблоков в Центральном Доме литераторов. – Каждую минуту (!) на земном шаре исчезает несколько десятков гектаров леса... К концу столетия будет уничтожено две трети всех тропических лесов планеты... Ежедневно (!) прекращает свое существование один вид животных, главным образом насекомых...» Отравляются реки, озера, даже моря. Воздух, которым мы дышим, уже далеко не так чист, как раньше. И все меньше и меньше в нем кислорода... А человечество все растет. Индустриализация, урбанизация убыстряют темпы. Если так пойдет дальше, то... Что же будет?

Конечно, уже то хорошо, что мы осознали. Забили тревогу. Честно, так сказать, взглянули в лицо. И верим, конечно, что разум восторжествует. Потому что это в наших силах. Но благих пожеланий мало, мало осознания и тревоги. Надо еще и что-то делать Но что?

Знаменательным стало заседание Верховного Совета СССР в 1980 году, когда был принят Закон «Об охране и использовании животного мира», в котором предусматривается сохранение всего видового многообразия животных в состоянии естественной свободы. Важно то, что в Законе нет

деления животных на «полезные» и «вредные», потому что в сущности каждое живое существо полезно, каждое имеет право на жизнь.

А что же лично я могу сделать для охраны природы? Ведь я-то не мыслю свою жизнь без постоянного общения с миром, который все сущее на Земле породил.

И я подумал: вот если бы удалось рассказать людям не только о больших, но и о маленьких существах! Тех самых, с которыми я познакомился благодаря своему счастливому увлечению. Вот если бы удалось показать, как прекрасен наш мир, как достоин он уважения, как интересно и полезно наблюдать и изучать его, как необходимо беречь!

Мне не раз доводилось уже выступать с показом цветных слайдов и рассказывать о своих захватывающих путешествиях в «джунглях во дворе». И каждый раз удивляла и радовала реакция слушателей и зрителей, среди которых бывали люди самых разных профессий и возрастов – от учеников начальных классов школы до пенсионеров. Никогда не забуду своего первого выступления. Это было на БАМе, в поселке Беркакит. Собрались люди в спецовках – пришли сразу после рабочего дня, усталые, – однако надо было видеть, с каким неподдельным интересом вглядывались они в изображения цветов, бабочек, гусениц, жуков, пауков, как восхищались сверкающими на листьях каплями росы... Казалось бы, это так далеко от их повседневных забот, от трудовой жизни. Но когда кончилась кассета с тридцатью шестью слайдами и по-

надобилось время, чтобы перезарядить ее, аудитория единодушно согласилась ждать. Мы сделали перерыв, и никто во время перерыва не ушел! Потом те же слайды я показывал на встрече с рабочими и служащими комбината Якутуглестрой в знаменитом Нерюнгри, центре Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, – и опять тот же неподдельный, радующий меня интерес. Значит, не угасла в людях любовь к природе! И иногда достаточно лишь пробудить это изначальное чувство, поддержать, подсказать, чтобы не считали его чем-то не слишком «взрослым», не очень серьезным...

Для меня бабочка Аполлон стала символом. Причем не только символом красоты и путешествий, связанных с поиском. Аполлон, этот охраняемый представитель беззащитной, хрупкой, находящейся под угрозой природы, стал еще и символом бережности, уважения человека. Уважения именно к красоте, потому что нет от этих бабочек практической пользы для сельского хозяйства. От них польза другая, и, как мне теперь кажется, гораздо большая...

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...
Ф. И. Тютчев*

Сначала я собрался съездить с экспедицией в Киргизию, в окрестности озера Иссык-Куль. Там горы, а значит, и Аполлоны могут быть. Но экспедиция не состоялась.

Тогда я уже самостоятельно выехал на Кавказ, в район Теберды. Там Аполлоны определенно есть, но, когда я приехал, они уже отлетали.

Потом, года через два, от своего знакомого Дмитрия Викторовича Панфилова, ученого-энтомолога и географа, я узнал, что Аполлоны остались не так далеко от Москвы – на берегах Оки, у границы Приокско-Террасного заповедника. Неужели? Так близко...

Но радость моя была преждевременной. Аполлоны действительно летали в окрестностях деревни Лужки, но лишь до тех пор, пока существовали там луга, поросшие очитком, «заячьей капустой», которой кормятся гусеницы этой солнечной бабочки. Луга примыкали непосредственно к территории заповедника и как будто бы охранялись. Но однажды то ли по чьей-то халатности, то ли по близорукому ли расчету, который видит только ближайшую меркантильную выгоду, но не видит сквозь нее самой жизни, луга были выкошены, и единственная как будто бы оставшаяся в средней полосе России популяция Аполлона безвозвратно погибла. То, чего не сделали коллекционеры за много лет, сделал совхоз (или кол-

хоз) буквально за один день. Современной техникой долго ли скосить несколько гектаров!

Конечно, люди разные. Одни видят или по крайней мере пытаются видеть мир природы таким, какой он есть, — многоцветным, ярким, не враждебным человеку вовсе, а лишь требующим уважения к своим вполне справедливым законам. И они любят этот мир, уважают и хотят понять его. Другие же смотрят на природу как на объект противоборства, озлобленно и насупленно. Они словно бы забывают, что то время, когда человек только завоевывал себе право на существование среди дикой природы и вынужден был бороться с ней, прошло.

К счастью, все больше и больше становится тех, кто начинает осознавать, как важно сохранить природную среду хотя бы отчасти в ее первозданной прелести и многообразии, что прежде всего надо попытаться ее понять, изучить и не рубить тот сук, на котором мы все сидим. И ради этого, может быть, стоит поступиться чем-то, а иногда даже и потесниться.

Задача в том, чтобы научиться распределять продукты труда и вообще разумно организовать этот труд, чтобы один человек не угнетал другого, чтобы каждый мог реализовать свой человеческий потенциал, чтобы приблизиться таким образом к социальной гармонии...

Итак, Мечта не оставляла меня. Мечта об Аполлоне.

Где же мне отыскать его?

Я уже сказал, что поиски Аполлона связаны с путешестви-

ями. А следовательно, будут встречи не только с природой, но и с людьми. И я догадывался, что это тоже имеет с моей Мечтой какую-то неуловимую связь. Красота притягивает людей, объединяет, а наши Федор Михайлович Достоевский и Николай Константинович Рерих вообще были уверены, что именно красота «спасет мир», именно она в конце концов будет тем объединяющим началом, которое положит конец извечным человеческим распрям.

И решил я поехать ну, например, в... Таджикистан. Южная республика, свыше девяноста процентов территории которой составляют горы. Уж там-то точно должны быть солнечные бабочки.

Глава вторая. Страна Белых Бабочек

1

Есть у меня знакомая, Елена Михайловна Антонова, старший научный сотрудник Зоологического музея Московского государственного университета, энтомолог, «хозяйка» прекрасного музейного собрания бабочек, искренний любитель своего дела. Обдумывая маршрут путешествия, я по старой памяти обратился к ней за советом. Она поддержала идею и к тому же дала мне адрес человека, живущего в Таджикистане, страстного любителя чешуекрылых.

– Игорь Владимирович Максимов, человек молодой, по специальности, кажется, строитель. У него уникальная коллекция, он даже несколько новых видов открыл. Очень энергичный и симпатичный человек, идеально было бы, если бы он сам сходил с вами, – сказала она, давая мне записку с адресом, и я в очередной раз подумал о великом братстве людей, которых связывают общий интерес, общее дело.

Хотя в тот момент о Максимове я больше ничего не знал. Мало ли что сказала Елена Михайловна! Она ведь и сама-то видела его всего раза два. Но мне он был уже симпа-

тичен.

И я написал письмо Игорю Владимировичу, в котором рассказал немного о себе, о своей Мечте и попросил совета. Особенность момента была в том, что письмо я посылал в конце июля. Аполлоны же перестают летать в конце августа. Времени оставалось мало, и потому я просил ответить по возможности телеграммой или телефонным звонком. Получив мое письмо, Максимов тотчас мне позвонил. Слышимость была не очень хорошая, но разобрать было можно, как молодой энергичный голос настойчиво убеждал меня выезжать как можно быстрее, лучше всего немедленно, потому что лето в Таджикистане жаркое, и лёт Аполлонов может закончиться раньше, чем обычно.

Я спросил, какая температура воздуха у них сейчас, и услышал:

– Теперь хорошо. Недавно было до сорока восьми в тени, а сейчас градусов сорок всего. Нормально.

Сорок всего?! Нормально?! В Москве в тот год тоже было жаркое лето, около тридцати, но все же представить себе, что где-то сорок считается «нормальным», было не очень приятно. Хотя по опыту я и знал, что сорок в Средней Азии – это все же не так страшно, как, например, тридцать пять в Москве.

– А вы не смогли бы со мной пойти? – спросил я.

– Смотря когда вы приедете. В двадцатых числах августа я уезжаю на учебу в Новосибирск. Если приедете до этого,

то смогу.

— А в каких местах водятся Аполлоны? — спросил я на всякий случай, потому что не был уверен, что быстро оформлю командировку, достану билет, да и много дел еще было в Москве.

— На Анзобском перевале можно найти, недалеко от Душанбе, — ответил Максимов. — Но торопитесь. Если там снег пойдет, то ничего не будет. А в августе снег на перевале часто бывает.

И мы условились, что, выезжая, дам телеграмму. Максимов жил в ста с лишним километрах от Душанбе, в Вахшской долине, где гор поблизости не было, не было и Аполлонов. Очевидно, ему непросто было пойти со мной на Анзобский перевал — для этого нужно приехать в Душанбе, а я на такое и не рассчитывал. Но хотя бы место узнал. Теперь главное — не опоздать.

Но... Как часто в жизни подстерегает нас это «но». Сначала были неотложные личные дела, потом пришлось быстренько съездить в короткую командировку от газеты, затем возникли некоторые трудности с авиабилетом до Душанбе — сезон... Так что вылетал я, увы, лишь 21 августа.

Полет над землей прекрасен. Самолет, взлетая, словно прорывает невидимую сеть-паутину, и, глядя на ослепительно сверкающие гряды кучевых облаков, поражающих бесконечным разнообразием форм, наконец-то начинаешь думать о том, что живешь, может быть, не совсем так, как надо, что, бессильно барахтаясь в суете, ты сам даешь кораблю уплыть. Чего только не увидишь, глядя на эти скопления водяного пара: и мавзолеи, и башни, и пагоды, и торосистые полярные просторы, заснеженные пространства, а надо всем этим – пронзительно синее небо и солнце, на которое невозможно смотреть.

Внизу, в прорывах меж облаками, видна поверхность земли, на которой и дома-то не разглядишь, тем более одного человека. И странно думать, что крошечное, невидное отсюда двуногое существо несет в своей голове Вселенную и ты, один из полутора сотен сидящих в крылатой обтекаемой металлической коробке, что-то такое о себе воображаешь... Еще поразительнее, когда вспоминаешь о том, что совсем уж крошечные создания, тем более никак не различимые с самолета – любимые мои букашки тоже живут своей самостоятельной жизнью, ни в какой мере, разумеется, не представляя о человеческом и уж тем более «самолетном» масштабе...

Пролетели восточный край Европы, Урал, и теперь под нами Азия, Приаралье – голая, совершенно мертвая свержу, выжженная рыжая равнина, тянущаяся на десятки, а то и сотни километров. Я-то знаю, что она населена разнообразными живыми существами и покрыта скудной растительностью, но сверху это так трудно себе представить...

Еще в аэропорту я познакомился с человеком южного типа в соломенной шляпе. Он оказался преподавателем географического факультета Душанбинского пединститута. Дододжон Пулатович Пулатов сразу понравился мне естественностью и простотой. В самолете рядом со мной было свободное место, и Дододжон Пулатович пересел ко мне. Мы немножко поговорили о Таджикистане, но когда я стал рассматривать облака, а потом и землю, открывшуюся в разрывах, Дододжон Пулатович тактично умолк.

Когда подлетали к Душанбе, Дододжон Пулатович обстоятельно рассказал, как отыскать центральную гостиницу, продиктовал свой адрес и телефон и просил непременно звонить, если что понадобится.

Вот и еще один аспект «поисков Аполлона». Люди всегда удивительно чувствуют твой уважительный и мирный настрой. Да что там люди! Бабочки, жуки, пауки и те, кажется, понимают, если ты приходишь к ним с миссией мира и дружбы! Сколько раз поражало меня, как близко подпускают к себе бабочки, стрекозы и другие чуткие крылатые существа, если ты и на самом деле не собираешься их ловить, а только

фотографировать, если, созерцая их красоту и наслаждаясь ею, ты вовсе не пытаешься лишить их жизни.

С такими мыслями, а вернее, с таким настроением сошел я по трапу на землю солнечного Таджикистана: солнце действительно светило, хотя был уже вечер, но над летным полем, над всем зеленым красивым городом Душанбе повисла мутная дымка – мы заметили ее, когда самолет еще только шел на посадку.

– «Афганец», – сказал Дододжон Пулатович. – Он, наверное, не первый день, осел. А то ведь так накроет, что фонарей ночью не видно.

«Афганец» – это южный ветер со стороны Афганистана, он поднимает пустынную пыль и несет ее куда вздумается, и долго потом висит эта пыль, постепенно садясь и покрывая все окружающее «бархатным» слоем.

– Вам не повезло, – добавил мой спутник. – Если захотите поехать на Памир, мало чего хорошего увидите. Все будет как сквозь кисею.

– А долго она будет висеть? – спросил я.

– Еще дня три-четыре, не меньше.

Прекрасен, конечно, Памир – «крыша мира», но меня беспокоило больше всего, был ли снег на Анзобском перевале...

Дододжон Пулатович любезно попрощался и взял с меня обещание обязательно ему позвонить и прийти на ужин.

На пути из гостиницы к Дододжону Пулатовичу я зашел на почту и дал срочную телеграмму Максимову с просьбой

мне позвонить. В наступившей темноте вокруг фонарей метались довольно крупные тени, я поначалу подумал, что это бабочки бражники, и очень обрадовался. Но потом услышал тонкий писк и понял: летучие мыши.

На другое утро до одиннадцати часов я сидел в гостиничном номере, ждал звонка. И напрасно. Теперь-то я понимаю, что Максимов и не мог позвонить так рано: во-первых, телеграмма могла еще не дойти, во-вторых, у него были ведь и свои дела, но как же привыкли мы воспринимать мир исключительно «со своей колокольни», будучи уверены в том, что именно то, что важно для нас, обязательно важно и для других! Сколько раз я уличал самого себя в этом грехе, в этой печальной ошибке, но каждый раз забывал. И вот опять...

Однако что же мне делать? Лёт Аполлонов кончается, если не кончился уже, и дорог каждый день. Самому добраться до Анзобского перевала? Ведь очень может быть, что Максимов уже уехал в Новосибирск. И даже скорее всего.

В каждом новом городе для меня обязательно посещение рынка, ибо он много может сказать о здешней жизни. На вывеске у входа было написано именно «Рынок», хотя на самом деле это был конечно же настоящий южный базар с разнообразными овощами и фруктами, чурчхелой, пряностями, вялеными дынями и уж конечно со множеством дынь свежих – ароматных лимонных, нежно-палевых, канареечно-желтых, зеленоватых и покрытых сероватым сетчатым налетом. Их, как я убедился, обожают здесь все – и дети, и взрослые, и старики. Но мне сейчас было не до лакомств. Не за дынями

же я летел в такую даль!

Походив по базару, я направился в правление Союза писателей Таджикистана. Нужно было проехать несколько остановок на троллейбусе по одной из центральных улиц. Улица была очень широкая, и дома на ней располагались на довольно большом расстоянии друг от друга, что свойственно многим южным большим городам. Правление размещалось в новом здании из стекла и бетона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.